

Мария Михайловна Предовская

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин им. В. У. Агеевца, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: predovskaia@gmail.com

Елена Евгеньевна Тебякина

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, кандидат философских наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Санкт-Петербург, Россия
e-mail: elenasofos@gmail.com

Социальные сети в эпоху метамодерна: превратить идеальное в реальность

Аннотация. В статье поднимаются проблемы возможности формирования идентичности человека посредством социальных сетей. Описываются проблемы, связанные с новыми формами идентификации и самоидентификации в социальности, перенесенной в виртуальное пространство. Благодаря возможности мгновенной передачи, воспроизведения и тиражирования информации, постоянной доступности в любой момент времени, с одной стороны, снижается ее ценность, но с другой — открываются возможности доступа практически к неограниченному количеству информационных данных. Ввиду своей огромной количественной составляющей, информационный поток нуждается в упорядоченности. Механизмом для создания этой упорядоченности как раз и служат социальные сети.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, виртуальность, идентичность, социальные сети, мессенджеры, контент.

Mariya M. Predovskaia

National State University of Physical Culture, Sports and Health named after P. F. Lesgaft,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
named after V. U. Ageevets, Saint Petersburg, Russia
e-mail: predovskaia@gmail.com

Elena E. Tebiakina

Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Saint Petersburg, Russia
e-mail: elenasofos@gmail.com

Social Networks in the Era of Metamodernism: Turning the Ideal into Reality

Abstract. The article raises the problems of the possibility of forming human identity through social networks. It describes the problems related to new forms of identification and self-identification in sociality transferred to virtual space. Due to the possibility of instant transmission, reproduction and replication of information, constant availability at any time, on the one hand, its value decreases, but on the other hand, it opens up opportunities for access to a virtually unlimited amount of information data. Due to its huge quantitative component, the information flow needs to be organised. Social networks serve as a mechanism for creating this order.

Keywords: network communication, virtuality, identity, social networks, messengers, content.

Введение (Introduction)

В современном мире для эффективного формирования идентификационного механизма оказываются действенными не только реальные способы социального взаимодействия и коммуникации, но (и даже в большей степени) их виртуаль-

ные аналоги (социальные сети, мессенджеры, порталы связи и получения государственных услуг, банковские приложения для виртуальных денежных операций и др.), что непосредственно влияет на изменение механизмов построения идентичности и их полный переход в виртуальную сферу.

© Предовская М. М., Тебякина Е. Е., 2025

Для цитирования: Предовская М. М., Тебякина Е. Е. Социальные сети в эпоху метамодерна: превратить идеальное в реальность // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 2 (47). С. 50–54. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-47-50-54

Методы (Methods)

В ходе работы над статьей использовались как общелогические методы (анализ, синтез, сравнение), так и методы феноменологической редукции при рассмотрении и анализе понятий «социальная сеть», «виртуальная реальность», «мессенджер», а также метод антропологического исследования при подходе к изучению современного человека и трансформации механизмов процесса построения идентичности и становления полноценной личности (в трудовой, досуговой, политической и экономической сферах) через виртуальные структуры. Для работы с основными литературными источниками используется компаративистский метод подбора материала по основным темам исследования.

Литературный обзор (Literature Review)

При анализе современного состояния общественного развития и его перехода в сферу виртуальности используются работы отечественных авторов: профессора Б. В. Маркова «Телесная память и цифровая коммуникация» и Д. С. Мартыанова «Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции». Рассмотрение феномена преобразования коммуникативных практик рассматривается через призму работы профессора В. Ю. Сухачёва «Концепция коммуникации в трансцендентально семиотической интерпретации». Проблемы, связанные со становлением виртуальных практик (особенности функционирования социальных сетей, формирование «повестки», преступления, связанные с социальными сетями), представлены в работах отечественных исследователей А. И. Шипицина, Е. А. Еселева, Г. В. Лукьяновой, А. Ю. Соловьева, А. С. Лагутиной. Принятое за основу понятие идентичности опирается на классическую работу Эрика Эриксона «Идентичность: юность и кризис». В общекультурном контексте используются работы Умберто Эко «Средние века уже начались» и Жюль Делёза «Платон и симулякр».

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В цифровую эру мир непрестанно изменяется, а вместе с ним преобразуются и практики присутствия человека в нём. От реальности присутствия в мире вещей человек переходит к существованию в виртуальном мире информации. Основными же источниками, проводниками, а также и деформаторами информации и коммуникации сегодня становятся социальные сети и всевозможные мессенджеры. Изначально задуманные лишь как увлекательная игра и способ проведения досуга, они прочно укоренились в повседневной обыденности современного человека. Как отмечал по этому поводу профессор Б. В. Марков, «сетевая коммуникация происходит в виртуальной реальности. Отличие телемании от книгомании в том, что книжный человек (Дон Кихот) использует способность воображения, т. е. конструирует и трансцендирует реальность, а телематический человек захвачен, втянут в виртуальный мир медиа, поглощен, как Иона Китом» [1, с. 150]. Человек, не включенный в поле хотя бы одной из социальных сетей или мессенджера, не существует для современного мира, поскольку не оставляет

непосредственный виртуальный след своего присутствия, по которому мог бы быть найден и включен в те или иные коммуникативные практики, которые с годами становятся всё более разнообразными. Это уже не только наличие или отсутствие профиля, описывающего его реальный или придуманный социальный статус, но и другие совместные формы деятельности, такие как файлообменники, мессенджеры, видеоконференции, а также публичные сервисы, предоставляющие доступ при условии регистрации и связывающие воедино профиль пользователя с его реальными контактами, такими как электронная почта, номер телефона или банковского счета, государственные услуги и многие другие виртуальные практики для работы и досуга.

Поэтому вопрос о непосредственном осмыслении собственно человеческого, антропологического аспекта и его места в контексте виртуального мирового пространства становится как никогда актуальным. Социальные сети и мессенджеры (как и общемировое пространство Интернета в целом) благодаря непрерывной информационной трансляции и тиражированию не только предлагают невероятное множество идентификационных схем и моделей, но и размывают единое поле идентичности, делая его максимально разнородным, эклектичным, позволяя совмещать в себе ранее несовместимые части. Поэтому основной парадигмой выстраивания идентичности в информационном обществе становится не формирование единого, однородного, статичного идентификационного фактора как надежной и неизменной опоры личности, а постоянная игра со смыслами, традициями и парадигмами, направленная на формирование гибкого идентификационного механизма, адаптирующего индивида к постоянно изменяющейся внешней ситуации.

Хотя именно Всемирная сеть (WWW) способствовала тому, что информация стала доступна неисчислимым пользователям сама по себе, без структурирования, анализа и адекватного механизма ввода-вывода, эта распределенная система была бы бесполезна. Однако и до сих пор способы порождения, распространения и популяризации той или иной информации в современном мире являются весьма хаотичными, напоминая методы работы с информацией в Средние века, описанные Умберто Эко: «...Средние века занимались не систематическим сбережением, а скорее, наоборот, случайным уничтожением и неорганизованным сохранением: были потеряны важнейшие рукописи и сохранены другие, совершенно смехотворные, великолепные поэмы были затерты для того, чтобы написать поверх загадки или молитвы, священные тексты были искажены, в них вставлялись куски, и так Средневековые писали "свои" книги» [2].

Однако при таком прогрессирующем развитии количественного аспекта серьезно пострадало качество сохраняемого и распространяемого информационного материала. Это происходит главным образом из-за отсутствия действенного фильтра, способного отсеять не только информационный шум, мешающий эффективности восприятия (прежде всего создание неограниченного и сосуществующего одновременно количества полных или частичных копий одной и той же информационной единицы), но и намеренные искажения,

ложные и непроверенные факты, которые проникают в информационное поле в качестве достоверных или истинных, создавая пространство для манипуляций общественным мнением. Как отмечает Д. С. Мартынов, «в целом можно судить о высокой степени управляемости сообществами со стороны редакций и администраций интернет-ресурсов... Обычно аудитория соглашается с посылом, который вкладывает в сообщение автор публика или канала» [3, с. 26].

Кроме того, упрощение и постоянная оптимизация доступа к любого рода информации трансформируют привычные границы «свое — чужое». Как можно присвоить некий объект, некий фрагмент информации, изначально существующий во всеобщем распоряжении? Существует максима: «Всё, что однажды попало в Интернет, — остается там навсегда». Этот принцип, несомненно, должен превращать любой объект, изначально предназначенный к публичному размещению и свободному предоставлению по требованию пользователя, в достояние: а) общего пользования; б) максимально открытого, гласного общего пользования. Это порождает, в свою очередь, стремление к анонимности, сокрытию следов своего пребывания и деятельности в виртуальном публичном пространстве, предшествующее дальнейшим стратегиям виртуальной индивидуации. И в первую очередь желание скрыть использование тех или иных общедоступных фрагментов информации. Однако продолжающиеся в рамках системы перекрестных ссылок споры о правах на тот или иной интеллектуальный контент показывают, что границы «свое — чужое», хоть и стали менее значимыми, не могут быть уничтожены до конца. Противостоящие этой тенденции попытки сохранить классические отношения «свое — чужое» осуществляются через введение ограничения на «доступ». Так, через платный обмен информацией появляется монетизируемый лицензионный контент, в котором акцент делается на «гипер-современность», исключительную, моментально достигаемую новизну, через постоянно необходимые и платные обновления. При этом сетевое сообщество стремится как можно быстрее вернуть эту информацию в область свободного и бесплатного распространения, обобществляя то, что изначально не было для этого предназначено.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в отношении персональных данных, которые, хотя и не являются товаром, могут быть разглашены против желания или без ведома «владельца», т. е. субъекта, чьей собственностью они являются, будучи существенным элементом частной, приватной жизни.

Расширение информационного пространства социальных сетей и мессенджеров требует от современного человека предоставлять анонимизированному обществу всё больший доступ к личной информации. И это уже касается не только сознательного, подконтрольного пользователю заполнения различных полей при регистрации в социальных сетях и иных пространствах, смежных с виртуальным миром (к примеру, оформление скидочных карт, участие в соцопросах), но и встроенных в ряд приложений функций, автоматически действующих сервис геолокации, который позволяет в режиме реального времени отслеживать место пребывания пользователя или маркировать по это-

му принципу совершаемые им действия (от внедрения во внутренний цифровой код фотографий до учета проведенных через банки операций по оплате товаров и услуг). В качестве реакции на утрату чувства защищенности начинает формироваться новый, «обратный» феномен — локальные подсети или асоциальные сетевые пространства. Кроме того, подлинная свобода самопрезентации возможна еще в мнимой анонимности, когда вместо собственных мнений или действий одобряются или отвергаются мнения или действия третьих лиц, чаще всего не связанных с пользователем непосредственными социальными узами. Таковы, например, возможность «лайкнуть» или сделать «перепост» записей, которые, будучи оригинальными, были бы способны скомпрометировать их автора в том или ином смысле, изменить или испортить его репутацию. Простой же перепост формально создает иллюзию избавления от любого типа ответственности, что представляется существенным для публичных личностей (артистов, политиков и т. д.), личные страницы которых сами по себе превращаются в часть делового имиджа, а их обслуживание зачастую перепоручается группе специалистов.

Виртуальный статус реальной или придуманной личности становится таким же существенным и реальным, как и социальный статус в повседневной реальности. Если же виртуальный статус оказывается выше, чем реальный, то он может рассматриваться пользователем как имеющий приоритет в значимости над реальностью, а потому полагаться более ценным субъективно. При этом возможность создавать множество личностей, ботов как псевдореальных сетевых аккаунтов от одного и того же пользователя также носит элемент театрального представления. Как отмечает отечественный исследователь А. И. Шипицин, «создание нескольких профилей-персонажей, ведущих параллельную жизнь, общающихся друг с другом, с друзьями, с самим хозяином, напоминает театр, где присутствуют своя драматургия, сценарий, режиссер, сидящий за компьютером. Образ, словно коралл, обрастая информацией, становится полноценным, узнаваемым и постепенно гипостазирован» [4, с. 38–39].

Виртуальный мир привносит и новые грани в понятие «идентичность», разбивая старые, казавшиеся монолитными конструкты. Идентичность начинает выступать как всесторонняя онтологическая структура, а не просто как социальный и экзистенциальный конструкт. Она воплощает в себе модель взаимодействия и постижения мира, состоящую в диалектическом совмещении двух противоположных явлений — тождественности и различия. Так, по мысли Ж. Делёза, «существует два разных способа прочтения мира. Одно призывает нас мыслить различие с точки зрения предварительного сходства или идентичности, в то время как другое призывает мыслить подобие или даже идентичность как продукт глубокой несоизмеримости и несоответствия» [5].

Собственная идентичность отдельного индивида, а вместе с ней и наша самоидентичность, как набор тех характеристик, с которыми ассоциирует себя современный человек, без чего внутренне не мыслит себя, и то, что он может о себе предъявить внешнему миру как доказательство соб-

ственного существования, включает в себя множество в том числе и материальных факторов. Отечественный исследователь Е. А. Еселев в статье «Проблема Другого в философии различия» отмечает: «“Я” идентифицирует себя в мире, являющимся Иным. Моменты этой идентификации — тело, дом, труд, обладание, экономика — снимают инаковость того, что является иным лишь на первый взгляд. Они составляют структуру самотождественного» [6, с. 180]. Однако и эти процессы сегодня могут существовать в виртуальной сфере (репрезентация собственного тела через фотографии с наложенными фильтрами, система «умного дома» и возможность работать удаленно). К этому необходимо добавить, что современное «Я» идентифицирует себя в весьма значительной мере еще и с помощью виртуальных структур — через аккаунты в социальных сетях, электронные почты, подписки на различные видеосервисы, паблики, блоги, файлообменники, фото- и видеохостинги. Утрата причастности к этим виртуальным маркерам выключает индивида из широкого виртуального поля идентификации и самоидентификации. Фактически человек, отсутствующий в социальных сетях, оказывается отрезан от значительной части социального пространства, переместившейся в виртуальный мир. Невозможность текстуального производства в качестве комментариев, записей и публикаций фактически вычеркивает индивида из виртуальных структур, а «бан» (запрет на публикацию) практически равен виртуальной гибели.

Самой основой для формирования идентичности в рамках современного мира, сочетающего черты реальности и виртуальности, становятся в первую очередь не национальные, религиозные, культурные особенности, а сам процесс коммуникации как непрерывно реализуемой возможности. Это непрерывное же тиражирование информации, ее потребление и восприятие, взаимодействие и работа с ней тесно вплетаются в ткань социального бытия, в постоянно самовоспроизводящемся дискурсе социальных сетей. И этот дискурс обладает специфическими особенностями. Например, в нём имеет место принципиальное смешение стилистики письменной речи с ее разговорными, повседневными и даже жаргонными формами.

Если говорить о функционировании идентичности в коммуникативном дискурсе, то, как отмечает В. Ю. Сухачёв, происходит «рассеивание поля идентичности» и снижение напряжения: «Более того, например, смещение к дискурсивному сценарию анализа коммуникации совершенно отчетливо ведет к тому, что идентичность индивида оказывается рассеянной или фрагментизированной в структуре дискурса, — да и наше существование становится лишь эффектом, производным от работы дискурсивных машин» [7, с. 119]. Эта рассеянность и фрагментизированность частично возникают еще и как следствие существенного количества разнообразных информационных поводов, ежедневно встраивающихся в Сеть. Но, размывая личностную идентичность, социальность, вброшенная в пространство дискурса, начинает формировать общее поле образования идентификационного механизма. Она структурирует ту культурную среду, которая позволяет создавать общий коммуникативный контекст, дающий возможность вести диалог, задействуя широкое смысловое поле.

Кроме того, подвижность смысловых границ позволяяет включить в культурное идентификационное поле максимальное количество как непосредственно индивидов, так и тех смыслов, которыми эти индивиды могут оперировать. По мысли отечественных исследователей, «при этом возрастающая роль интернет-платформ способствует тому, что различные форматы медиа могут существовать и развиваться в качестве как традиционного СМИ, так и медиаресурса в социальной сети» [8, с. 92], поэтому современные социальные сети благодаря возможности совмещения различных типов передачи информации (текста, звука, изображения и видео) предоставляют практически неисчерпаемые ресурсы для создания широкого контекста образования смыслов, которые, в свою очередь, формируют поле самоидентичности индивида.

Развивающаяся вслед за средствами связи коммуникация выдвигается на первое место среди различных идентификационных факторов, и, говоря о ней, в первую очередь необходимо учитывать именно коммуникацию в социальных сетях, не сдерживаемую многими ограничениями, с которыми вынуждены считаться другие виды коммуникационного взаимодействия. В качестве примера можно рассмотреть варианты идентификации посредством так называемых тематических пабликов в российской социальной сети «ВКонтакте». Эти паблики представляют собой публичные тематические страницы, своеобразные подразделения в пространстве общей социальной сети, позволяющие объединять пользователей по единству определенного и сформулированного публично интереса. Отличием паблика от разговора или его виртуального аналога — чата или группы — являются непосредственная открытость и публичная репрезентация своего контента любому пользователю без возможности ограничения доступа к информации, в то время как разговоры (диалоги в соцсети «ВКонтакте») или чаты в той или иной мере подразумевают приватность передаваемых сообщений одному или нескольким собеседникам. Даже закрытые сообщества (группы), предполагающие получение доступа только после прохождения ряда ритуальных процедур, вплоть до одобрения каждой предварительной заявки администратором, публично транслируют на «стене» сообщества ту или иную информацию о своем ключевом, объединяющем группу интересе, предназначенную для расширения контингента пользователей. Однако закрытость пабликов может быть использована не только для сокрытия информации в целях ее защиты и обеспечения режима приватности для пользователей, но и ради возможности ее негласного применения с преступным умыслом.

Таким образом, полагаясь на значимые механизмы, призванные изначально обеспечивать индивидуальную безопасность и беспрепятственное функционирование идентификационного механизма, преступники получают ресурс воздействия и манипуляции наименее защищенными участниками коммуникационных процессов, например подростками, не располагающими еще в достаточной степени критическим мышлением, которое бы позволило им распознать дезинформацию. Как отмечают эксперты, «...ключевыми особенностями преступлений в социальных сетях

являются способ совершения преступления, позволяющий обеспечить анонимность, и расширенная география незаконных деяний» [9, с. 164].

Следует особенно отметить, что, несмотря на всё возрастающую роль виртуальной среды в человеческой жизни, полное перенесение социальности в виртуальную сферу грозит не только разрывом контакта с реальностью, но и различными видами неврозов, вызванных иллюзией социального единства при непосредственном одиночестве отдельного индивида наедине с компьютером.

Тем не менее, если отбросить ряд негативных факторов, необходимо признать, что социальные сети и мессенджеры в целом, а также отдельные виртуальные сообщества-паблики являются мощным средством для формирования идентичности в контексте структуры виртуального сообщества. Пространство социальной сети, как ничто другое, подходит на роль ее определяющего фактора, данного Эриком Эриксоном в книге «Идентичность: юность и кризис»: «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [10, с. 58–59]. Кроме того, подобная ценностная установка позволяет индивиду не терять себя и в коммуникационном пространстве дискурса, постоянно балансирующего между «общим» языка и «индивидуальным» речи, а также на стыке измерений, образующих событие, что особенно важно в поле непрерывного дискурса в пространстве социальной сети.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, общемировое пространство интернета, пронизанное социальными сетями и другими коммуникационными средствами, часть из которых позволяет вступать в коммуникацию посредством внеязыковых средств

(изображений, музыки, видео), создает всё более мощные и разнообразные по своим механизмам и формам идентификационные модели и схемы, собирающие разнородные элементы индивидуальных идентичностей пользователей в некоторое синтетическое, подвижное единство, которое позволяет личности комфортно существовать в виртуальном пространстве и в значительной степени влияет на осознание ей внесетевой реальности.

Новые способы коммуникации не только предоставляют расширенные возможности (использование как текста, так и видео- и аудиоматериалов) для формирования идентичности современного человека, но и благодаря виртуальности обладают механизмами повышенной витальной безопасности, что позволяет пользователям формировать и изменять механизм идентичности без существенного психологического ущерба для личности. С необходимостью в этот процесс включаются и те элементы, к которым в предыдущие эпохи человек физически не был способен получить доступ, такие как этические, эстетические и игровые формы, присущие иным культурам, непосредственно к которым субъект не получает полноценного доступа, но тем не менее использует их компоненты для построения собственной идентичности. Адаптация же в большей степени связывается с обеспечением информационной безопасности и приватной свободы личностной реализации, а также проявляется в форме доступа к виртуальным властным структурам для тех, кто не имеет подобного доступа по отношению к реальным. Следовательно, идентичность в информационном обществе достигается постоянной игрой со смыслами, традициями и парадигмами, направленной на формирование гибкого идентификационного механизма, адаптирующего индивида к постоянно изменяющейся внешней ситуации и включающего понимание того, каким образом достигается личная безопасность как через реальные, так и виртуальные структуры.

1. Марков Б. В. Телесная память и цифровая коммуникация // *Философия хозяйства*. 2022. № 1 (139). С. 149–160.
2. Эко У. Средние века уже начались // *Иностранная литература*. 1994. № 4. С. 258–267. Электрон. версия. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/eco.htm> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Мартынов Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23, № 3. С. 20–32.
4. Шипицын А. И. Феномен социальных сетей в современной культуре // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2011. № 3. С. 36–40.
5. Делёз Ж. Платон и симулякр // *Библиотека по философии* : [сайт]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000174/> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Еселев Е. А. Проблема Другого в философии различия // *Философская мысль*. 2013. № 1. С. 174–194.
7. Сухачёв В. Ю. Концепция коммуникации в трансцендентально-семиотической интерпретации // *Коммуникация и образование* : сб. ст. / под ред. С. И. Дудника. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2004. С. 106–134.
8. Лукьянова Г. В., Соловьев А. Ю. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. : Социология. Политология*. 2024. Т. 24, № 1. С. 90–97.
9. Лагутина А. С. Виды преступлений в социальных сетях и их особенности // *Modern Science*. 2021. № 2–1. С. 161–164.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Прогресс, 2006. 352 с.